

Юрий ЕЛАГИН

ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ
ПОСЛЕДНЕГО ТЕАТРА

И тогда пришел человек с ружьем

Ко второй половине 1936 года вся деятельность театра как бы замерла. На какой-то период воцарилась мертвая творческая тишина — тишина кладбища. Начальник театрального управления Боярский посвятил этому полдорительному молчанию свою статью в «Правде» от 22 октября, в которой звучали испуг и растерянность.

Арестован был ряд советских драматургов: Бабель и Олеша, Кирион и Файко. Афиногенов упал в тяжелую опалу после своей пьесы «Дожь». Булгаков — после «Мольера».

Комитет по делам искусств с лихорадочной поспешностью перекраивал весь советский театральный мир. Московский Художественный театр Второй (быв. Первая студия МХАТа) был закрыт. Московский драматический театр (быв. Четвертая студия МХАТа) был слит с Камерным театром. Театр режиссера А. Дикого (быв. Театр Пролеткульта) слился с «Театром Комсомолта». Сам Дикий был переведен в Ленинград и вскоре арестован. Лишь после четырехлетнего пребывания в концлагерях, во время войны, он был возвращен в Москву и сделал большую карьеру в качестве главного режиссера и актера Малого театра. Некоторые московские театры были закрыты (театр-студия Симонова, театр-студия Хмелева, «Рабочий художественный театр»), другие переведены в провинцию (театр Ю. Завалюкова). Всему советскому театру производилась грандиозная операция «промывки мозгов». Потому и царил злоеущее затишье в их деятельности.

Как арестованный, после соответствующей обработки в кабинетах и подвалах МВД, появляется на сцене полудисциплинированного процесса и с анемичным выражением на бледном неулыбающемся лице начинает размеренным языком автомата проносить заученные показания, так и препарируемые русские театры, в следующем, 1937 году подняли свои занавесы и предстали перед устрашенными зрителями ежесекундной эры во всем убожестве своего художественного, обескровленного, запинотизированного Лубянского искусства. Взамен вынутых из театрального организма сердца и мозга нужно было хоть что-нибудь вложить, чтобы придать хоть какой-нибудь внешний логический смысл этому страшному медуму. И власти быстро нашли этот «эраза», приказав своим драматургам создать пьесы о «великих вождях» большевизма. Репертуар лучших столичных театров скоро наводнили стриптиз партийных драматургов совершенного нового типа. Усальные, неправдоподобные, обескровленные, запинотизированные, «Правда» Корнейчука, «Великое зарево», «Из искры» Далиани, «Ханлар» Вургуня и т. д. и т. п. Искажение элементарной исторической правды, открытая, неприкрашенная ложь, грубое подкалывание, сласловность в беспредельно личинных формах стали генеральной линией, основным стержнем, «осквозным действием» всей советской драматургии и всего театрального репертуара. Русскому театру был нанесен удар такой силы, от которого он, по глубокому убеждению пишущего эти строки, уже никогда не оправится, даже если бы завтра кончи-

тенденциозной лакировки. Потрясающее впечатление на зрителей произвела безмолвная сцена прохода по авансцене левушки, изнасилованной взводом красноармейцев...

17 декабря 1937 года в «Правде» появилась большая статья Керженцева «Чужой театр». Тон ее не оставлял никаких сомнений в ее назначении. Мейерхольда и его театр приканчивали. Грубость, жестокость и лживость этой статьи нельзя даже поставить в упрек Керженцеву. Злобная сталинско-ежовская патология говорит в «Чужом театре» так же, как и во всем, что печаталось в это кошмарное время.

8 января в центральных газетах был опубликован следующий приказ Комитета по делам искусств:

- а) Ликвидировать Театр имени Мейерхольда как чуждый советскому искусству.
- б) Труппу театра использовать в других театрах.
- в) Вопрос о возможности работы Мейерхольда в области театра обсудить особо.

17 января 1938 года Жданов произнес речь на первой сессии Верховного Совета СССР, в которой жестоко разнес деятельность Комитета по делам искусств. Главными пунктами обвинения были: случай с «Богатырями» и Театр Мейерхольда, который Керженцев так долго терпел «у себя под носом» и даже поощрял, «разбазаривая государственные средства» на это вредное предприятие.

После речи Жданова Керженцев был снят с работы, а все его заместители во главе с Боярским и большинство из ответственных чиновников ВКИ арестованы.

В самый день опубликования приказа о закрытии Театра Мейерхольда, 8 января, по распоряжению Комитета по делам искусств во всех театрах Советского Союза были проведены митинги, на которых актерам и режиссерам было предложено осудить Мейерхольда и одобрить правительственный приказ.

Лучшие из московских театров проявили необычайное чувство товарищеской солидарности к старому мастеру в день его несчастья. Никто из актеров русского театра не выступил против Мейерхольда. Ораторствовать на митингах и превозносить мудрость властей выпало секретарям партийных организаций и председателям месткомов. Даже среди коллектива Театра им. Вахтангова, в свое время так несправедливо обижавшего Мейерхольдом, не нашлось никого, кто бы захотел бросить в него камень. На собрании царил многозначительное и демонстративное молчание. На митинге в театре МОСПС дело не ограничилось одной пассивной оппозицией. Когда председатель митинга прочел приказ о ликвидации ТИМа и открыл прения, слово тотчас же попросил один из молодых режиссеров и начал взволнованную речь:

— Лишние слова, — закричал председатель, отчаянно звоня в колокольчик. Сам В. Э. был арестован, как предполагал тогда многие, а очутился в тяжелой опале, на положении отвергнутого всеми безработного старого артиста. Большие люди искусства сочувствовали ему, но, конечно, помочь ничем не могли.

Станиславский против Жданова

И вот в его черный день пришел к нему на помощь его великий творческий противник.

Престарелый Станиславский, уже давно отошедший от дел Художественного теат-

формализма. Каждый правоверный социалист считал теперь своим долгом сказать несколько бранных слов по его адресу. Ряд статей, посвященных обстоятельному анализу его творчества с позиций ждановщины, при всем их внешнем глубокомыслии явились в действительности обширными комментариями к «Чужому театру» Керженцева (например, статья Гуса «Мейерхольд и формализм в советском театре» в майском выпуске журнала «Театр»).

Актеры ТИМа были еще в начале года быстро рассортированы театральным управлением по московским театрам. Игорь Ильинский и Царев были приняты в Малый театр на первое положение. Одна линия Райх продолжала оставаться безработной, разделяя опалу своего супруга.

6 августа 1938 года умер Станиславский. Однако и после смерти своего великого противника и верного покровителя В. Э. мог продолжать свои занятия в студии. Атмосфера в стране в это время уже стала понемногу разряжаться. Ежовщина шла на убыль, террор спадал, количество арестов уменьшалось. Затишье наступало и на идеологическом фронте. Осеню, как всегда, советские театры открыли новый сезон. То был уже сезон торжествовавшего «социалистического реализма». Театры «страны победившего социализма» (с помощью Лубянки) успешно выполнили ждановский наказ и научились заглядывать в советское «завтра».

По прецеденту Эйзенштейна

Почему Мейерхольду удалось благополучно пережить ежовщину?

При его близком знакомстве с разнородными лидерами антисталинских партийных групп, при его огромных затратах на связи, при его вызывающем поведении, при его творческой деятельности, столь враждебной всему, что насаждал Сталин и Жданов в искусстве, как это вышло, что он ни разу не был даже арестован и дожил невредимым до дней относительного успокоения, воцарившихся после смещения Ежова, когда на пост начальника НКВД был назначен Берия?

Мейерхольд принадлежал к единственной группе советских граждан, которую Сталин пренебрегал не ликвидировать, даже в самые террористические времена, даже в тех случаях, когда с чекистской точки зрения для ареста бывало множество оснований. Точнее было бы сказать, что то была не группа, а считанные единицы счастливых, крохотная капля в многолюдном народном море, где каждый мог в любую ночь ожидать роковой стук в дверь.

Мейерхольд был большой художник, имевший мировое имя. И это обстоятельство на весах «государственного безразличия» перетягивало все тяжеле папки его лубянских материалов. С политической точки зрения было выгоднее не уничтожить артиста, а промывать ему мозг, приучить его и заставить работать на пользу сталинского дела.

Мудрость такой политики блестяще подтверждал как раз тогда, в 1938 году, случай Эйзенштейна.

Выдающийся кинорежиссер С. М. Эйзенштейн, пользовавшийся благодаря интернациональному языку своего искусства еще большей всемирной известностью, нежели его учитель Мейерхольд, имел на душе великое множество грехов против Сталина.

В творческих биографиях Мейерхольда и Эйзенштейна, начиная с даты возвращения последнего из Америки в 1932 году, можно обнаружить разительное сходство. Оба художника творчески утомились, не желая присоединиться к генеральному фронту сталинского искусства. С 1932 по 1936 год Эйзенштейн не выступил ни одной единственной картины, ограничиваясь чтением лекций в Государственном институте кинематографии. В 1936 году вышел его фильм «Бегим луг» и тотчас же подвергся жестокому разгрому за идеологические и формалистические ошибки. Сценарист-писатель Бабель был арестован, все руководство советской кинематографии во главе с начальником Шумицким тоже было вскоре арестовано, а самого главного «преступника» — создателя «Бегим луга» Эйзенштейна — не тронули.

В следующем, 1937 году Сталин лично поручил ему постановку чрезвычайно важного в политическом отношении фильма «Александр Невский». Давы впрямь обезопасить ненадежного мастера от всяких вредных уклонов, ему в помощь были назначены два партийных комиссара — режиссер Васильев и писатель Павленко.

К середине 1938 года съемки «Александра Невского» подошли к концу и все говорило о том, что картина будет именно такой, какая была нужна диктатору, — помпезной, мастерски сделанной кинооперой, патристической по настроениям, возмечивавшей идею сильного вождя и мобилизовавшей народные чувства против враждебной в ту пору Германии.

Эйзенштейн сделал то, что от него требовали. Очередь была за Мейерхольдом. Вопрос был только во времени. В первой половине 1939 года имя Мейерхольда все чаще производилось за кулисами Театра Вахтангова в связи с различны-

ерхольд. То был жест властей, явно рассчитанный на примирение с В. Э., которому предоставлялась открытая трибуна для публичного покаяния. У правительства не было сомнений в том, что за полторагодинное свое бездействие мастер успел перестроиться и осознать свои многочисленные ошибки и грехи.

В назначенный день конференция торжественно открылась. В переполненном Белом зале Дома актера, кроме 300 делегатов, съехавшихся со всех концов Советского Союза, присутствовало множество гостей. Каждый из московских театров получил большое количество входных билетов для своих актеров.

На третий день конференции 15 июня 1939 года развернулись прения по докладу.

Третьим оратором выступил Мейерхольд. Приведем впечатления от его речи, описанные в автобиографической книге пишущего эти строки «Укрощение искусств»:

«Со своего места в зале поднялся человек с большой шевелюрой седых волос, с характерным профилем. Со старым портфелем в руке идет он на сцену. Овация не умолкает. Мейерхольд неподвижно стоит на кафедре с каким-то усталым и безразличным видом. Он положил портфель перед собой и спокойно смотрит в зал, выжилая конца овации. А она все не утихает. И даже председатель и члены президиума зарались общим настроением и горячо аплодируют, вместо того, чтобы прекратить явную и очевидную демонстрацию. Наконец овация кончается так же дружно, как и началась. В зале становится сразу удивительно тихо. Мейерхольд начинает говорить. Он говорит очень тихо, медленно, голосом глухим и, как вначале показалось, неуверенным. И лишь постепенно загораются его глаза, крепнет и становится уверенным голос. И к концу речи в нем звучит сталь. И на сцене стоит уже не усталый старик, безразличный ко всему на свете, а сильный и бесстрашный человек, пламенный художник — непокупный и непримиримый...»

Мейерхольду дали договорить до конца, вероятно, потому, что сверху получено было распоряжение дать ему возможность высказаться. А может быть, и потому, что и в зале, и в президиуме конференций сидели люди искусства, не пожелавшие и не поспешие прервать единственного великого художника среди них всех, последнего из могикан, пережившего славу русского театра.

Выступление Мейерхольда — это большая ошибка Лубянки, которую это ведомство уже никогда не повторило в будущем. На открытую трибуну был выпущен ненадежный человек, не обработанный надлежащим образом, с «непримытым» мозгом, незапинотизированный и неустрашенный.

Арестован был Всеволод Эмильевич по приказу Берии в ночь с 17 на 18 июня 1939 года.

В момент ареста критика обрывается, и имя человека вычеркивается из списков живущих в этом мире.

В 1940 году была издана издательством «Искусство» книга «Режиссер в советском театре», содержащая стенограммы всех выступлений на конференции режиссеров. Имени Мейерхольда в ней не упоминается.

Приведена в этой книге и речь И. Альтмана, в которой, по сообщению «Правды» от 17 июня 1939 года, было подвергнуто резкой критике выступление Мейерхольда. Но сейчас в этой речи не было и намека на Мейерхольда. Мейерхольд канул в Лету, испарился, исчез навсегда...

Через несколько недель после ареста Мейерхольда Зинаида Райх была найдена убитой в ее квартире в Брюсовом переулке. Убийцы зарезали ее ножом. Квартира долго оставалась опечатанной НКВД.

Автор этой книги удалось лично видеть человека, вполне заслуживающего доверия, державшего в своих руках открытку, посланную Мейерхольдом его биографу и другу Н. Д. Волкову в самом начале 1940 года либо из сибирского концлагеря, либо с этакного пути. Открытка была написана карандашом и носила штемпель одной из небольших забайкальских железнодорожных станций.

Это последнее известие о Мейерхольде, которое можно считать достоверным. Все остальные сведения о его судьбе после ареста относятся к категории слухов,

«...Зинаида Райх была найдена убитой в ее квартире в Брюсовом переулке. Убийцы зарезали ее ножом. Квартира долго оставалась опечатанной НКВД».

Последнее выступление В. Э.

Для закрепления «достижений» социалистического реализма и окончательного устранения последних сомнений (если таковые еще у кого-либо имелись) Комитет по делам искусств созвал в июне 1939 года Всесоюзную конференцию режиссеров. Участвовать в ней был приглашен и Мей-

которые невозможно проверить. Говорят, что Мейерхольд и Бабель были убиты летом 1940 года в одном из лагерей на берегу Охотского моря. Убийство было совершено по приказу начальства. Причины его неясны...»

Существует много слухов о причине убийства Райх. Автор этой книги слышал лично в Москве, что ее убили члены конститутивной «фашистской» организации, к которой принадлежал Мейерхольд, из боязни, что она может вызвать властями сведения об этой организации. Это, конечно, совершенно фантастический вариант.

Гораздо логичнее предположить, что убийство Райх было совершено по приказу Лубянки, которой необходимо было ее уничтожить. Убийство — дело темное. Убить могут и простые бандиты. Каждый арест — всегда дело рук чекистов. В случае с известной актрисой, имевшей множество друзей в иностранных кругах как в Москве, так и на Западе, выгоднее было убить и свалить убийство на грабителей или на «фашистов».

* Сейчас установлена точная дата смерти В. Э. Мейерхольда: он был расстрелян в тюрьме 2 февраля 1940 года. — Ред

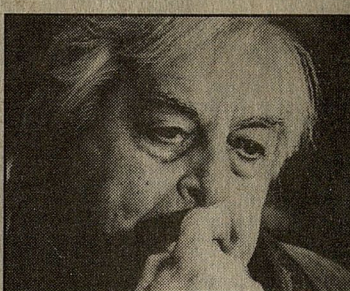
«Русскому театру был нанесен удар такой силы, от которого он, по глубокому убеждению пишущего эти строки, уже никогда не оправится, даже если бы завтра кончилась советская власть и в России воцарилась полная творческая свобода».

Ю. Елагин

Вопрос режиссерам:

Согласны ли вы с мнением Юрия Елагина, что Театр Мейерхольда был последним настоящим театром в России?

Юрий ЛЮБИМОВ:

«ЕЛАГИН БЫЛ ВПРАВЕ ТАК ГОВОРИТЬ, И Я НЕ МОГУ ЕГО ОПРОВЕРГНУТЬ»

Юра Елагин — прекрасный человек. Я знал его еще по Театру Вахтангова. Юра служил в музыкальной части, был хорошим скрипачом, потом в Америке он даже работал в одном престижном оркестре. Он удивительно точно разобрался во всех коллизиях этого театра. А потом мы встретились с ним в Америке спустя пятьдесят лет и даже с трудом узнали друг друга. Он не знал в полной мере состояния наших дел, хотя и интересовался нашим театром, потому что считалось, что я продолжаю дело Мейерхольда. Так что можно сказать, что он считал со своим делом, но с тех пор был оторван от нашей театральной действительности. С его точки зрения удар был действительно смертельным, тем более что не только ТИМу его нанесли, но и МХАТ-II закрыли, ввели цензуру, и вообще началась такая всеобщая мхатизация. Так что со своих позиций он впрямь был так говорить, и я не могу его опровергнуть. Мы вообще очень мало заботились друг о друге, не следили, обмениваясь информацией или вообще дезинформацией. Независимо по каналу «Культура» сказали, что Любимов собирается восстанавливать «Турандот» и «Синюю птицу», а я говорил о «Добром человеке...». А все потому, что люди обмениваются информацией автоматическим.

Валерий ФОКИН:

«АБСОЛЮТНО ПРАВИЛЬНОЕ ЗАМЕЧАНИЕ, ТОЛЬКО ОНО СПРАВЕДЛИВО ДЛЯ ТОГО ВРЕМЕНИ»

Ситуация изменилась, и дело тут не только в свободе. Просто юрист Мейерхольда все равно прогнали в театре в лучших постановках Любимова, Товстоногова. Реанимация театра в шестидесятые годы — лучше ли, хуже ли, с кризисами — все-таки произошла. Это если говорить о творчестве. Но если говорить о личности Мейерхольда, то действительно удар был смертельным. Ведь ему было 66 лет, он был в расцвете сил и ждал нового театра не из-за эгоизма, а из-за новых творческих возможностей. Он собирался ставить там «Бориса Годунова», «Гамлета». Он мог бы сделать еще несколько не просто хороших, но эталонных спектаклей с точки зрения развития театра. Но... Я считаю, что в лучших спектаклях мира всегда есть Мейерхольд.

лась советская власть и в России воцарилась полная творческая свобода.

Чужой

Склонившись на уговоры Керженцева и приняв по постановке «Наташу» и «Одну жизнь», Мейерхольд отнюдь не спал своих творческих позиций и поставил обе пьесы так, как подсказывали ему его желание и совесть художника. Результатом была катастрофа. И «Наташа», и «Одна жизнь» были доведены до генеральных репетиций и запрещены Комитетом по делам искусств и высшим начальством из ЦК. Просмотр «Наташи» состоялся весной 1937 года, «Одна жизнь» готовилась к 20-летней годовщине Октябрьской революции, следовательно, генеральному репетиции можно отнестись к первым дням ноября этого года.

В полдорительной и запутанной прессе «ежовского» года ничего нельзя прочесть о мейерхольдовской постановке «Наташи» Сейфуллиной. Однако кое-что можно узнать об «Одной жизни», потому что именно этот спектакль оказался последней каплей, переполившей чашу терпения сталинских властей. «Одну жизнь» удалось увидеть не только одному начальству. Состоялся общественный просмотр этого спектакля, на котором присутствовали видные актеры московских театров, в том числе актеры Театра им. Вахтангова. По словам одного из них, сказавших автору этой книги, спектакль изобиловал многими блестящими постановочными сценами и был окрашен в трагические, безнадёжные тона. Ужасы гражданской войны были представлены с небывалой в истории советского театра откровенностью, лишенной всякой

Об авторе. Ю. Б. Елагин в 30-е годы занимал скромную должность оркестранта Театра им. Евг. Вахтангова. В годы войны на войне так называемой второй эмиграции оказался на Западе. В 1955 году в Нью-Йорке вышла его книга «Темный герой» — о Всеволоде Мейерхольде, считающаяся лучшей биографией знаменитого режиссера, сейчас она готовится к публикации у нас издательством «Вагриус». Предлагаем читателям «ВК» отрывок из книги. Заголовки даны редакцией.